

УДК 821.161.1.06

ОБРАБОТКА «ИСТОРИЧЕСКОГО» СОБЫТИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ РОМАНСАХ ЭПОХИ ПРЕДРОМАНТИЗМА

© Е.В.Никкарева

Литературный романс предромантизма создается на пересечении «были» и «сказки», когда сказка представляется как быль, а быль принимает характер сказки. «Историческое» событие в литературном романсе имеет характер детали, поскольку не получает развития.

Ключевые слова: литературный романс, В.А.Жуковский, Е.П.Луценко, «историческое» событие.

Романс зародился в конце XI века в Провансе вместе с лирической поэзией трубадуров, тяготеющей к «твердым» каноническим формам. В это время романс представлял собой небольшое лиро-эпическое произведение, в котором повествование ведется от первого лица. Окончательно жанр сложился к XIV веку в испанском фольклоре, когда традиция испанского героического эпоса пришла в упадок, но его сюжеты продолжали разрабатываться в романсах – коротких «лиро-эпических поэмах», во многом аналогичных североевропейским балладам, что не раз подчеркивали как зарубежные (Л.Уланд), так и русские (Г.Р.Державин, А.И.Галич) литературоведы. Однако в отличие от баллад романсы часто выступали как непосредственное и буквальное продолжение эпико-героической традиции. Образ героя испанского романса также создавался по законам народного эпоса. Так, в центре романсеро герой-воин, как, например, Сид или Роланд, наделенный историческим именем и биографией, соотносимой с конкретными историческими событиями. Возлюбленная его тоже наделена индивидуализирующими чертами («*Мыла волосы Ла Кава – // Это чудо золотое. // Оттеняет мрамор шею // Нежных прядей позолота... С приближенными своими, // Шаловлива и лукава...*») [1: 364]. В основу романсной ситуации тоже положены исторические события, хотя предлагается иная мотивировка, связанная с любовной коллизией. Так, в романсеро о последнем короле вестготов Родриго причиной завоевания арабами Испании называется желание графа Хулиана отомстить дону Родриго за надругательство над своей дочерью, а не политические причины, на которые указывают историки. Следует, однако, отметить, что сюжетная линия романсеро не противоречит историческим фактам, но отталкивается от них. Уже в средневековых романсах мы имеем дело с процессом поэтизации истории, что будет развито авторами лиро-эпических романсов более поздних эпох.

К началу XIX века в русской культуре параллельно сосуществуют две разновидности жанра романса, отсылающие нас к испанской и французской национальным традициям и в своем синкретическом единстве представляющие ту уникальную жанровую модификацию романса, которую можно определить как литературный романс. Хотя в конце XVIII – первом десятилетии XIX века две линии развития романса еще могут быть осмыслены как самостоятельные, в народной поэзии, в музыке, а также при стилизации фольклорных текстов, напротив, преобладает обращение к французской традиции (сентиментальный романс). В области высокой поэзии преобладает тенденция сближения романса с эпическими (сказка) и лиро-эпическими жанрами (баллада, былина), а следовательно, на первый план выходит сюжетность текста, подчеркивается необычность событий (чудесное, сказочное начало), в центре повествования оказывается культурный герой (богатырь, рыцарь, волшебник). При этом следует отметить, что в современном литературоведении наметилась тенденция не выделять эпический романс как самостоятельный жанр. Так, С.С.Яницкая в единственном диссертационном исследовании, в котором монографически рассматривается литературный романс, – «Романс в русской поэзии XVIII века (становление и специфика жанра)», отмечает, что «в русской литературе намечался и иной (эпический) путь», но, ссылаясь на Л.В.Саркисян, определявшую эпический романс как «несостоявшийся жанр», указывает, что «лирическое развитие жанра уже в поэзии первой трети XVIII в. стало его магистральной линией» [2: 42]. Мы согласны с этой точкой зрения, однако в своем исследовании считаем необходимым обратиться к рассмотрению ряда текстов, которые соотносятся с эпической линией развития литературного романса, поскольку эта разновидность оказала серьезное влияние на формирование жанрового ядра литературного романса.

Эпическую разновидность романа, как отмечает С.С.Яницкая, в русскую словесность ввели М.Н.Муравьев, хотя его баллада 1790 г. «Болеслав, король польский» вышла в свет только в 1810 г., и Н.М.Карамзин, опубликовавший в 1792 г. собственный перевод старинного испанского романа «Граф Гваринос» (с подзаголовком «Древняя гишпанская историческая песня», а не «романс», как в оригинале)» [3: 19]. Теоретическое же осмысление этого явления предпринял Г.Р.Державин, определив романс как «нечто похожее на поэму-сказку в народном духе» [4: 259]. Этой же традиции в определении романа придерживается и А.Х.Востоков, который в «Опыте о русском стихосложении» (1817) в качестве синонимов употребляет термины «романс» и «повествовательная песня». В своем творчестве Востоков также обращается к этому жанру, публикуя в 1806 г. произведение под заголовком «Светлана и Мстислав. Древний романс, в четырех песнях» [5], что подчеркивает повествовательную (эпическую) природу текста. Впоследствии определение «романс» будет заменено им на «богатырскую повесть», что, на наш взгляд, свидетельствует о неполной синонимии этих понятий, а также восприятию романа Востоковым как чужеродного для русской культуры явления.

Описание литературного романа в современной теории литературы должно осуществляться, с нашей точки зрения, с опорой на те принципы, которые были сформулированы А.В.Петровым применительно к русской балладе: во-первых, посредством ретроспективного анализа (с опорой на современные представления о жанре) и, во-вторых, с помощью «принципов-процессов» (Вл.А.Луков) – категорий, передающих представление о становлении, формировании явления или тенденции [6: 64]. Кроме того, в создании теоретической модели литературного романа мы опирались на принципы, подробно описанные Н.Л.Лейдерманом. В монографии «Теория жанра» исследователь, опираясь на опыт предшественников (Аристотеля, М.М.Бахтина, Г.Д.Гачева), выделяет и анализирует три плана в принципиальной модели жанра: план содержания, план структуры и план восприятия [7: 107-109].

Так, литературный романс начала XIX века имеет *лиро-эпический характер*, его отличают: *сюжетность особого рода* (поскольку лирическая составляющая доминирует над эпической, то под сюжетом можно подразумевать не только и не столько наличие событийного ряда, сколько определенную схему развития лирического чувства); *событийность* как *рассказ о событии*;

установка на чужое, воспринимающее сознание (раздельное переживание единства); «*половинка диалога*» – реплика лирического героя, обращенная к эксплицированному в тексте лицу, остается без ответа. Опираясь на теоретические работы начала XIX века, мы отмечаем, что в центре сюжета литературного романа оказывается *выходящее за рамки обыденного события* (реальной или ментальной жизни героя). При этом следует отметить, что субъектная организация подчиняет себе план содержания и другие аспекты плана структуры. Если рассматривать человеческое «я» как точку пересечения трех «фундаментальных отношений личности» – к своему собственному «я» (самоопределение), к ролевому «сверх-я» (сверхличная заданность) и к жизненно смежному, со-бытийному «я» Другого (межличностная данность), то в литературном романсе превалирует последняя, межличностная данность. Кроме того, *особый характер субъектных отношений* (жанр организован наличием двух равноценных сознаний, а следовательно, *реализуются два типа мировосприятия*) позволяет выделить литературный романс как особую модификацию жанра романа в целом.

Однако данная модель и философия литературного романа окончательно складываются только в творчестве поэтов-романтиков, а для лиро-эпического романа эпохи предромантизма повествовательная стратегия наряду с субъектной организацией определяет доминанту жанра. Теоретики конца XVIII – начала XIX века в качестве одного из жанрообразующих признаков указывают отнесенность действия в далекое прошлое. Так, Г.Р.Державин среди достоинств «правильных романсов» указывает следующие: «Чтоб приключение в них было описано **старинное** и, сколько можно, **того времени наречием и покровом**, когда и где что происходило; но не так, чтобы того разуместь было невозможно» [4: 259], тем самым предъявляя к романсу требование историчности, а также отмечая возможный вторичный характер этого жанра: «Чтоб приключения в них были <...> почерпнутые из мифологии, истории, басен, романов, сказок и прочих событий времен прошедших» [4: 259]. При том что В.А.Жуковский, предлагая во многом аналогичный список источников, все же называет в качестве возможного источника сюжета романа современность, а также оставляет автору возможность творчества без опоры на конкретные источники: «Источники их многообразны: мифология, история, рыцарство, монастырская жизнь, сцены из обыкновенной общественной жизни или произвольные вымыслы стихотворческой фантазии» [8: 22]. Поэтому, говоря о литератур-

ном романсе (в частности об эпической ветви), следует обратить внимание на характер «исторического» события.

С.А.Кибальник говорит о том, что «историзм в лирике представляет собой обобщенное **эмоциональное содержание целых эпох** в развитии мировой культуры: «дух» Древней Греции, рыцарского средневековья, Древней Руси. При этом **прошлое обыкновено смыкается с современностью, существуя лишь как дополнительный план или элемент формы**» [9: 12]. В литературном романсе такое «смыкание» происходит на эмоциональном уровне, когда, по замечанию В.А.Жуковского, «...читатель будет совершенно согласен, разумеется, на то время, в образе мыслей с поэтом или с представленным им лицом, – следовательно... он не станет опровергать размышлением тех понятий, которые могут быть основаны на простоте ума, на легковерии, суеверности или на вымыслах необузданной фантазии, а напротив, даст полную свободу впечатлениям неограниченно на себя действовать» [8: 22]. Однако характер историзма в литературном романсе может быть определен скорее как эпический, нежели лирический, поскольку эмоциональное наполнение этого жанра имеет универсальный (вневременной) характер, а соотнесенность с определенной исторической эпохой может быть определена как проявление художественного историзма. С.И.Кормилов выделяет следующие составные элементы художественного историзма: «Воссоздание качественного своеобразия эпох при понимании глубинной их связи, выражаемой недеklarативно; направленность (в тенденции) на изображение прогрессивности общественного развития и линейного времени; утверждение самооценности жизни как таковой в ее самодвижении; индивидуализация описываемых явлений» [10: 79-86]. Для реализации принципа художественного историзма необходимо также «создание особого художественного **образа события** (исторического или частного) – самостоятельного по отношению к научному, документальному» [11: 23].

А.Ю.Сорочан говорит о возможности создания исторического повествования путем подмены исторических сюжетов – схемами (жанровыми, сюжетными, языковыми), «традиционными для литературы соответствующей эпохи», вследствие чего происходит «создание «фикциональных» исторических представлений: история в литературном тексте предстает вымыслом сложным, разветвленным, превосходно продуманным, но – только вымыслом» [12: 13]. В таком случае исторический материал воспринимается как основа или же как посредник для развития повест-

тования. В случае литературного (эпического) романа историческое является основой для развертывания романской ситуации. Так, сюжет романа Е.П.Луценко «Черна, княжна Черниговская» приурочен ко времени разорения Чернигова Батыем (1239 г.). Историческое подтверждение находят следующие факты, положенные в основу сюжета романа – разграбление Елецкого монастыря Батыем в 1239 г.; факт, что жители Чернигова прятались от врагов в пещерах под Успенским собором; существование на территории монастыря некой могилы, которая по легенде принадлежит основателю города. Кроме того, одна из версий происхождения названия Чернигов связывает этот топоним с именем княжны Черны, но даже если принять эту точку зрения, то на лицо несовпадение временных пластов (анахронизм). При этом следует отметить, что у текста Луценко есть фольклорные источники: «Повесть о разорении Рязани Батыем»; многочисленные исторические песни и баллады о полонянках («Дмитрий и его невеста Домна»), а также легенда, которую поэт мог слышать в Черниговской духовной семинарии, хотя мы не находим подтверждения факту существования данной легенды. В данном романсе сюжетный стереотип исторической песни о полонянке обрамлен историческими фактами таким образом, что лакуны в тексте будут достроены «подготовленным» читателем за счет знания исторического и литературного контекстов, а «неподготовленный» читатель за счет обыгрывания традиционных сюжетных ситуаций сможет воспринять текст как данность, творимую легенду. Следовательно, литературный романс развивает скорее то направление работы с историческим материалом, которое И.Черный определил, правда по отношению к историческому нарративу, как альтернативную историю.

Литературный (эпический) романс конца XVIII – начала XIX века близок к историческому роману не только генетически (оба жанра восходят к средневековому романсе), но и в принципах изображения исторического события. Хотя литературный романс и предполагает историческую конкретность ситуации, в нем происходит романизация истории, когда историческое событие становится отправной точкой развертывания повествования, но на первый план выходит событие частной жизни героев. Объективные причинно-следственные связи между историческими событиями заменены субъективными (эмоциональными) связями между частными событиями, а эмоции носят вневременной (универсальный) характер.

В то же время мы не можем говорить об историзме литературного романа в полном смысле

слова, поскольку история лишена процессуальности. Историческое событие имеет статус детали, а развитие получают только события частной жизни героев. По мнению Т.П.Нестеровой, «поэты раскрывали национальное самосознание русского человека не только в русле общегосударственных проблем, но через изображение героя в частной ситуации, на первый взгляд далекой от гражданских тем, поскольку в центре таких произведений стоят интимно-личные переживания, частный конфликт или частный результат общегосударственных событий, что определяет трактовку материала» [13: 43]. Так, в балладе-романсе М.Н.Муравьева «Болеслав, Король польский», как и в случае испанского романсера о короле Родриго, на первый план выходит любовная коллизия, ставшая причиной братоубийства. А в романсе А.Х.Востокова «Светлана и Мстислав» героическая составляющая отходит на второй план и песнь, главной темой которой является соперничество двух князей-богатырей, пленившихся одной девушкой, можно отнести к лиро-эпическому жанру не только по формальным признакам (стихотворная повесть), но и по преобладанию любовной (лирической) проблематики.

В литературном романсе развивается предромантический тип историзма, когда в качестве исходного исторического события изначально выбирается событие «типичное», а в рамках художественного дискурса происходит индивидуализация «общих мест» истории, тогда как в рамках романтического историзма развитие получает не закономерность, а «случай» из истории (анекдот), который возводится в ранг закономерности. Наиболее ярким примером может служить «Романс. На потопление Ф.М.Дубянского 1796 году Августа 3 дня» Г.Р.Державина, когда исторический анекдот становится предметом поэтической рефлексии и философского обобщения: «*Се вид жизни скоротечной! // Сколь надежда нам не льсти, // Все потонем в бездне вечной...*» [14: 383].

Для авторов романсов интересен эксперимент не с событием, а с характером. Так, в уже упоминаемом нами романсе Е.П.Луценко Батый представлен не только как жестокий тиран, захватчик, но и как чувствительный герой: «*Душа моя тобою страстна; // И чувствует несносный жар! // Усыплю землю я цветами, // Как для богини красоты...*» [15: 244]. События укладываются в традиционные жанровые схемы, но авторы романсов стремятся столкнуть два типа сознания (литературные, а не исторические типы), что неизменно приводит к трагическому финалу. Таким образом, литературный романс предромантизма создается на пересечении «были» (исторический колорит) и «сказки» (альтернативная

история, легенда), когда события, постулируемые как документальные, хотя и оказываются плодом фантазии автора, но, поскольку не противоречат ни логике исторического развития, ни летописным фактам из жизни исторических личностей – героев произведений, могут быть восприняты как часть древней истории, а развитие литературного романа в целом можно определить с помощью такого принципа-процесса как романизация истории.

1. Как король дон Родриго влюбился в Ла Каву, когда она мыла волосы в роднике // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 364 – 365. – (Библиотека всемирной литературы. Серия 1; Т. 10).
2. Яницкая С.С. Романс в русской поэзии XVIII века (становление и специфика жанра): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995. – 219 с.
3. Яницкая С.С. Эволюция жанра романса в лирике А.А.Дельвига // Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики: Сборник научных статей. – СПб., 2008. – С. 19 – 20.
4. Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии: Часть 3 / Публ. В.А.Западова // XVIII век: Сборник 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Л., 1986. – С. 246 – 282.
5. Востоков А.Х. Опыты лирические... – СПб., 1806. – Ч. 2. – С. 81 – 97.
6. Петров А.В. «Балладные потенции» в поэтическом творчестве М.Н.Муравьева // М.Н.Муравьев и его время: сборник статей и материалов круглого стола «Муравьев и его время / под ред. А.Н.Пашкурова, А.Ф.Галимуллиной. – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – Вып. 5. – Часть 2. – С. 64 – 68.
7. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: исследования и разборы. – Екатеринбург: [б.и], 2010. – 904 с.
8. Жуковский В.А. На что делать примечания к Эшенбургской теории // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – Т. 12: Эстетика и критика / [редкол.: А.С.Янушкевич (гл. ред.), ред. А.С.Янушкевич, О.Б.Лебедева]. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 543 с.
9. Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. – Л.: Наука, 1990. – 272 с.
10. Кормилов С.И. Теоретические аспекты художественного историзма // Проблема историзма в русской советской литературе (60 – 80-е годы). – М., 1986. – С. 67 – 97.
11. Степанова М.Г. Историческая проза Н.А.Поллевого: дис. канд. фил. наук. – СПб., 1999. – 179 с.
12. Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2008. – 37 с.
13. Нестерова Т.П. Национальное самосознание в русской поэзии первой трети XIX века. Монография. – М.: Высшая школа, 2007. – 320 с.

14. *Державин Г.Р.* Романс на потопление Ф.М.Дубянского 1796 году августа 3 дня // [*Державин Г.Р.*] Сочинения Державина. – Ч. 1. – М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1798. – С. 382 – 383.
15. *Луценко Е.П.* Церна, Княжна Черниговская // Приятное и полезное препровождение времени. – Ч. 8. – М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1795. – С. 244 – 250.

REPRESENTATION OF «HISTORICAL» EVENTS IN A LITERARY ROMANCE OF PRE-ROMANTICISM

E.V.Nikkareva

The article explores the literary romance of pre-romanticism which is the point of intersection of «reality» and «fairy tale», when «fairy tale» is represented as «reality», and «reality» assumes the attributes of «fairy tale». A «historical» event in the literary romance is nothing more than a detail as it lacks development.

Key words: literary romance, ballad, V.A.Zhukovskiy, E.P.Lutcenko, «historical» event.

* * * * *

Никкарева Елена Викторовна – аспирант кафедры русской литературы, ассистент кафедры книжного дела Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского.

E-mail: enikkareva@mail.ru

Поступила в редакцию 17.05.2012